

Эдгар Аллан По

Человек толпы

Эдгар Аллан По

Человек толпы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22166100

Аннотация

«Хорошо сказано об одной немецкой книге: «er lasst sich nicht lesen» – она не позволяет себя прочесть. Есть тайны, которые не позволяют себя рассказывать. Каждую ночь люди умирают в своих постелях, стискивая руки духовников и жалобно глядя им в глаза, – умирают с отчаянием в сердце и конвульсиями в глотке, из-за чудовищных тайн, которые не разрешают, чтобы их открыли. Время от времени, увы, совесть человеческая обременяет себя такой ужасной тяжестью, которая может быть сброшена только в могиле. Таким образом, преступление остается неразоблаченным...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Эдгар Аллан По

Человек толпы

Ce grand malheur de ne pouvoir être seul¹.
La Bruyère

Хорошо сказано об одной немецкой книге: «er lasst sich nicht lesen» – она не позволяет себя прочесть. Есть тайны, которые не позволяют себя рассказывать. Каждую ночь люди умирают в своих постелях, стискивая руки духовников и жалобно глядя им в глаза, – умирают с отчаянием в сердце и конвульсиями в глотке, из-за чудовищных тайн, которые не разрешают, чтобы их открыли. Время от времени, увы, совесть человеческая обременяет себя такой ужасной тяжестью, которая может быть сброшена только в могиле. Таким образом, преступление остается неразоблаченным.

Не так давно, октябрьским вечером, я сидел у большого окна в кофейне Д. в Лондоне. Несколько месяцев я был болен, но теперь выздоравливал и находился в том счастливом состоянии духа, прямо противоположном *ennui*² – когда все чувства обострены, с умственного взора спадает завеса – *αχλυσ ος πριν ετηεν*³ – и наэлектризованный интеллект настолько же возвышается над своим обычным состоя-

¹ Великое несчастье не выносить одиночества (*фр.*).

² Тоска, скука (*фр.*).

³ Пелена, нависшая прежде (*греч.*).

нием, насколько живой и ясный ум Лейбница превосходит нелепую и пошлую риторику Горгия⁴. Существовать уже было наслаждением, и я извлекал удовольствие из многих явлений, служащих обыкновенно источником страдания. Я относился ко всему со спокойным, но настойчивым интересом. С самого обеда с сигарой в зубах и газетой на коленях я благодушествовал, читая объявления, рассматривая разношерстную публику в кофейне или поглядывая сквозь закопченные стекла на улицу.

Это одна из главных улиц города, и прохожие сновали по ней целый день. К вечеру толпа увеличилась, а когда зажглись фонари, мимо дверей кофейни потекли два сплошных, непрерывных потока публики. Мне никогда еще не случалось наблюдать ее с этой точки в этот час вечера, и шумное море человеческих голов возбуждало во мне восхитительное по своей новизне волнение. В конце концов я занялся исключительно улицей, не обращая внимания на то, что происходило в ресторане.

Сначала мои наблюдения имели абстрактный, обобщающий характер. Я рассматривал толпу в целом. Вскоре, однако, я занялся деталями и стал с величайшим интересом разглядывать бесконечно разнообразные фигуры, костюмы, манеры, походку, лица и их выражение.

Большинство прохожих имели самодовольный вид деловых людей и, по-видимому, думали только о том, как бы про-

⁴ Горгий (ок. 483 – ок. 375 гг. до н. э.) – древнегреческий софист.

браться сквозь толпу. Они хмурились, перебегали глазами с одного предмета на другой и, когда их толкали, не выказывали признаков нетерпения, а поправляли одежду и спешили дальше. Другие, их тоже было много, отличались беспокойными движениями и раскрасневшимися лицами; они жестикулировали и рассуждали сами с собой, точно чувствовали себя тем более одинокими, чем гуще была толпа. Наткнувшись на кого-нибудь, они останавливались, умолкали, но жестикулировали еще оживленнее и с рассеянной и неестественной улыбкой дожидались, пока встречный пройдет. Получив толчок, они раскланивались с виноватым видом. За исключением отмеченных мною черт, эти две обширные группы не представляли собой ничего особенного. Одежда их была, что называется, приличная, и только. Это были, без сомнения, дворяне, купцы, стряпчие, промышленники, спекулянты – эвпатриды и обыватели, – люди праздные и люди занятые собственными делами, ведущие их на свой страх и риск. Они не особенно интересовали меня.

В глаза бросалась группа клерков, и я заметил в ней два разряда. Одни – младшие писари сомнительных фирм, молодые господа в узких сюртуках, в блестящих сапогах, с намаженными волосами и надменным выражением губ. Если бы не известная юркость, которую за неимением лучшего термина можно назвать «канцелярской развязностью», эти господа показались бы мне точной копией того, что считалось верхом хорошего тона год или полтора тому назад.

Они донашивали барское платье: лучшего определения этому классу, кажется, не придумаешь.

Старшие клерки солидных фирм тоже имели вполне определенную физиономию. Их легко было узнать по черным или темно-коричневым брюкам и сюртукам, сидевшим удобно и ловко, большим солидным башмакам, белым галстукам и жилетам, толстым чулкам или гетрам. У всех намечалась лысина, а правое ухо как-то странно оттопыривалось вследствие привычки закладывать за него перо. Я заметил, что они снимали или надевали шляпы непременно обеими руками и носили часы на коротенькой золотой цепочке старинного образца. Эти люди представляли собой аффектацию респектабельности, если такая бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.